

УДК 82-1(591)

DOI: 10.28995/2686-7249-2021-2-135-162

Опыт изучения метрических законов бирманской поэзии

Иван В. Саркисов

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»

Москва, Россия, vanya.sarkisov@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена метрике традиционного бирманского стихосложения. Структура бирманской поэзии изучена недостаточно, при этом дополнительную сложность на пути ее исследования создает недоступность для нас на текущий момент данных традиционной бирманской филологии. Тем не менее на основе комплексного изучения шестнадцати поэтических текстов (в общей сложности 1279 стихотворных строк), выполненного точными методами (с помощью подсчетов и анализа статистических данных), которые были применены к бирманской метрике впервые, а также с помощью привлечения наличествующих источников, нам удалось установить, что изначально (примерно до конца XVI в.) в бирманской поэзии преобладал силлабический размер, в котором каждая строка содержала четыре слога и в котором использовалась так называемая ступенчатая рифма. Однако позднее на смену этому размеру приходят метры, которые мы предлагаем классифицировать как расшатанную силлабику. Особого внимания также заслуживает тот факт, что бирманская метрика не обнаруживает каких-либо параллелей с более изученной тайской метрикой, за исключением частого использования внутренней рифмы.

Ключевые слова: метрика, стиховедение, бирманская поэзия, бирманский язык, языки Юго-Восточной Азии, силлабические размеры, внутренняя рифма

Для цитирования: Саркисов И.В. Опыт изучения метрических законов бирманской поэзии // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2021. № 2, ч. 2. С. 135–162. DOI: 10.28995/2686-7249-2021-2-135-162

© Саркисов И.В., 2021

Towards a description of the metrical structure of Burmese poetry

Ivan V. Sarkisov

HSE University, Moscow, Russia, vanya.sarkisov@gmail.com

Abstract. This article studies the rules of versification in Burmese traditional poetry. The topic of Burmese metrics has been studied incompletely and one of the main issues connected with its study is the lack of availability of traditional Burmese sources. This research is the first one to use statistical methods to study Burmese metrics. The approach is based on the material of 16 Burmese poetic texts (1279 lines in total) and certain information from the previous works as well. This research has shown two important ideas – the first is that until the 16th century, Burmese poems were written using a syllabic meter where each line consisted of four syllables that were connected by internal rhyme. The rules of rhyme sometimes were violated and the sequence of tones did not play any role. After the 16th century some new meters became popular, and according to the results of the research these meters appear to be more loosely syllabic. Another important fact, which has been discovered during the research, is that the rhymes in Burmese poems are internal much like Thai poetry as well and this is in contrast to European poetry.

Keywords: metrics, poetry, Burmese language, Burmese literature, South-east Asian languages, syllabic meters, internal rhyme

For citation: Sarkisov, I.V. (2021), “Towards a description of the metrical structure of Burmese poetry”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 2, part 2, pp. 135-162, DOI: 10.28995/2686-7249-2021-2-135-162

Введение

Настоящая статья представляет собой попытку выявить основные метрические закономерности и описать наиболее употребительные метры классической бирманской поэзии.

Бирманская¹ поэтическая традиция является одной из древнейших и наиболее развитых в странах материкового Индокитая. Тем не менее она почти неизвестна за пределами Мьянмы, а ее метрические закономерности практически не исследованы. При этом

---

¹ Прилагательное «бирманский» обозначает принадлежность или отношение к Мьянме, которая до 1989 г. официально именовалась Бирмой. Хотя название страны изменено, слово «мьянманский» в русском языке почти не используется, а вместо него продолжает употребляться прилагательное «бирманский».

какие-либо описания или систематизации поэтических размеров в традиционной бирманской филологии либо отсутствуют, либо на данный момент недоступны для нас.

Учитывая все это, в рамках настоящей работы мы постараемся сформулировать как первостепенные задачи изучения структуры бирманского стиха, так и соответствующие методы их решения, а также выдвинуть некоторые гипотезы о характере метрики бирманской поэзии. Основная часть статьи (помимо введения и заключения) состоит из четырех частей. В первой из них приводятся основные исторические и литературоведческие сведения о бирманской поэзии, во второй – краткое описание бирманской фонологии, знакомство с которым необходимо для обсуждения метрических законов, в третьей обобщаются результаты предшествующих исследований, а в четвертой излагаются результаты нашей работы.

1. Общие сведения о бирманской поэзии

История и многие культурные и художественные особенности бирманской поэзии, как и всей бирманской литературы в целом, типичны для народов Индокитая и находят параллели в других странах региона: Камбодже, Таиланде и Лаосе. Это объясняется как схожими условиями существования (в первую очередь постоянным влиянием буддизма и индийской культуры), так и тесными взаимными контактами [Осипов 1980, с. 3–5, 10]. Однако бирманская литература практически все время несколько опережала в своем развитии литературу соседних стран (это выражалось в более раннем возникновении тех или иных родов литературы и отдельных жанров, а также в освоении определенных популярных для региона тем и сюжетов).

Поэзия на бирманском языке появляется не позднее XIV в. К этому времени относятся первые дошедшие до нас образцы поэтических текстов, датировка которых не вызывает сомнения [Осипов 1980, с. 8]. Однако нельзя исключать наличие поэтической традиции еще в первом бирманском государстве – Паганском царстве, существовавшем в XI–XIII вв., с момента проникновения бирманцев с севера на территорию центральной Мьянмы до опустошения страны монголами, и отличавшемся высоким уровнем развития архитектуры, ремесел и буддийской учености (до XI в. большая часть современной Мьянмы была населена не родственными бирманцам монами, развитая культура которых, включая и письменность, была воспринята Паганским государством). Так, например,

традиционная бирманская филология утверждает, что стихотворение «Закон природы» поэта Анандатурии, считающееся классикой бирманской поэзии, было написано в 1173 г. (правда, данные истории и филологии свидетельствуют в пользу того, что оно было создано не ранее XIV или даже XV в. [Hla Pe, Allot, Okell 1963, p. 40]).

С XIV в. и до начала колониального периода (1887 г.) поэзия занимает в литературе Мьянмы господствующее положение. Как уже отмечалось, огромное влияние на бирманскую литературу, особенно на этапе ее становления, оказали буддизм и индийская культура. Также в XVI и XVIII вв., во время активной бирманской экспансии на территорию тайских государств, литературная традиция Мьянмы подвергалась тайскому влиянию. Однако в наиболее важных аспектах процесс развития бирманской словесности протекал вполне самостоятельно, нередко опережая достижения литературных традиций других народов Индокитая, чему способствовало главенствующее политическое положение бирманских государств в регионе. Захват Мьянмы британскими колонизаторами в 1887 г. и последующий колониальный период привели к достаточно резкому отходу от классических литературных традиций и даже, возможно, некоторому их забвению, поскольку бирманские писатели и поэты стали ориентироваться в первую очередь на европейскую, а не на национальную словесность.

В жанровом отношении традиционная бирманская филология выделяет в поэзии своей страны два основных направления – *ачхин* (песенная поэзия) и *линга* (книжная поэзия) [Осипов 1980, с. 26], каждое из которых, в свою очередь, распадается на множество отдельных жанров, каковых, по мнению В.Г. Златоверховой, насчитывается в общей сложности сорок [Златоверхова 1973, с. 142]. Наиболее популярными из подвидов линги были *яду* (произведения лирического характера), *могун* (панегирические произведения для восхваления выдающихся людей, в первую очередь королей), *пьюу* (примерный аналог европейской поэмы, наиболее употребительный из бирманских жанров) и *яган* (еще один эпический жанр, которому, в отличие от пьюу, были более свойственны авантюрно-приключенческие и сатирические элементы) [Осипов 1980, с. 26–56]. Также в XVIII в. появился драматический жанр *пьяза* (пьеса, написанная стихами), активно использовавшийся в последующем столетии, на которое пришелся расцвет бирманской драмы [Осипов 1980, с. 68].

Наиболее распространенными темами лирической бирманской поэзии были философские размышления в духе буддизма, часто переплетавшиеся с наставлениями. В эпике и драме, как и в литературе соседних народов, активно разрабатывались сюжеты из

*джатак*² (как канонических 547, входящих в «Типитаку»³, так и из созданного в странах Индокитая апокрифического цикла «Панньяса»⁴) и индийского эпоса «Рамаяна», а также из национальной истории. При этом весьма распространенным явлением было написание различными авторами (как жившими в разное время, так и современниками) своих версий одного и того же сюжета.

Ввиду недостаточной изученности литературы Мьянмы и отсутствия переводов правильно выделить наиболее значимые образцы бирманской поэзии достаточно сложно. Особым почетом, согласно бирманской традиции, пользуются произведения поэтов Навадея Старшего (1498–1588), автора пьюу «Манохари» и «Язбьюха», У Тхун Ньюу, написавшего около 1798 г. пьюу на сюжет «Вессантары-джатаки» (одной из канонических 547 джатак), очень популярной в Индокитае, Падейтаязы, в первой половине XVIII в. создавшего новаторское произведение «Маникэ» (на сюжет джатаки о царевиче Судхане из «Панньясы»), ставшее первой в регионе полноценной драмой, У Поун Нья (между 1807 и 1811 – около 1867 г.), с именем которого связан расцвет бирманского театра, и У Тоу (1751–1796), перу которого принадлежит «Яган о Раме» на сюжет «Рамаяны». Также признанным шедевром считается уже упоминавшаяся линга Анандатурии «Закон природы» (1173 г. или же XIV–XV вв.).

Несмотря на богатство литературного наследия, классическая бирманская поэзия изучена очень незначительно и, насколько можно судить, мало переводилась на другие языки (мы не сталкивались ни с одним переводом какого-либо крупного произведения). При этом сведения о ее метрических законах также весьма скудны. Если, например, в тайской традиции существовали под-

---

² Джатаками в буддийской традиции называются истории (обычно житийного, но иногда и сказочно-авантюрного характера) о предшествующих рождениях Будды Шакьямуни. Джатаки обычно представляют собой прозаические тексты с различной долей поэтических вкраплений. Канонические 547 джатак входят в священное писание буддизма «Типитаку», однако помимо них существуют также сборники апокрифических джатак.

³ «Типитака» (также «Трипитака» или «Палийский канон») – священное писание буддизма на языке пали, представляющее собой свод огромного количества разнообразных по жанру и содержанию текстов. В «Типитаку», в частности, входит 547 джатак, считающихся каноническими.

⁴ «Панньяса» – сборник из написанных на пали пятидесяти джатак, созданный в XV–XVI вв. в странах Индокитая (вероятно, ранее всего в тайском государстве Ланна на севере современного Таиланда). Джатаки «Панньясы» не входят в «Типитаку» и, следовательно, являются апокрифическими. В буддийских странах за пределами Индокитая они неизвестны.

робные классификации и описания поэтических метров, которые сравнительно легко могут быть «переведены» в термины современного стиховедения (см., например, в работах [Hudak 1992], [Hudak 2001] и [Cooke 1980]), то относительно бирманской поэзии подобная информация отсутствует, и все источники сообщают почти исключительно о систематизации жанров. Нам даже не удалось найти названий ни одного из стихотворных размеров классической бирманской поэзии. Очевидно, либо культура изучения метрики в традиционном бирманском литературоведении отсутствовала, либо ее достижения по каким-то причинам оказались практически не замеченными современными учеными. На русском языке имеются как минимум три очень ценные работы, посвященные бирманскому стихосложению: [Златоверхова 1973], [Бурман 1971] и [Янсон 2006]. В них, особенно в последней, сообщается ряд очень важных сведений о бирманской метрике. Однако эти сведения далеко не всегда подкреплены количественными данными (а равно и ссылками на бирманские источники) и поэтому, как минимум, нуждаются в проверке. По этим причинам исследования метрических законов бирманской поэзии приходится начинать практически с нуля, имея довольно скудный набор уже сформулированных гипотез или исходных данных.

Прежде чем перейти к изложению результатов нашего исследования, необходимо привести базовые сведения о бирманском языке и письменности.

3. Краткая лингвистическая характеристика бирманского языка

Бирманский язык относится к лоло-бирманской общности, входящей в юго-восточную ветвь тибето-бирманской группы языков, которая, в свою очередь, является частью сино-тибетской языковой семьи [Bradley 1997, с. 38–39].

Согласные фонемы бирманского языка приведены в табл. 1. Вокалическая система представлена восемью гласными фонемами – *a, e, i, o, u, ε, ъ* и *э* и четырьмя дифтонгами – *ei, ai, au* и *ou*.

В бирманском языке существуют смыслоразличительные тоны. Их количество оценивается разными исследователями по-разному – от трех до пяти [Watkins 2000, p. 139]. При этом контраст между ними имеет не только интонационную природу, но и обусловлен также длительностью гласного и дополнительной артикуляцией, что дает некоторым исследователям основания описывать бирманские тоны в других терминах [Green 2002, p. 3]. Наиболее

Таблица 1

Согласные фонемы бирманского языка по [Green 2002]

	Звонкие	Глухие	Придыхательные
Взрывные	<i>b, d, g</i>	<i>p, t, k</i>	<i>p^h, t^h, k^h</i>
Щелевые	<i>(ð), z</i>	<i>θ, s, f, h</i>	<i>s^h</i>
Аффрикаты	<i>ḍʒ</i>	<i>tʃ</i>	<i>tʃ^h</i>
Носовые	<i>m, n, ɲ, ŋ</i>	<i>ɲ̥ ɲ̥̃ ɲ̥̃̃</i>	
Аппроксиманты	<i>w, j, l, r</i>	<i>w̥ l̥</i>	
Глоттальные	<i>ʔ</i>		

Слог в бирманском языке имеет структуру $C(G)V(C)^5$, где C – согласный, V – гласный, а G – полугласный j или w [Янсон 2011, с. 4].

распространенной является точка зрения о существовании в бирманском языке четырех тонов, которые обычно называют скрипучим, высоким, низким и замкнутым (данные термины являются переводом названий бирманских тонов, традиционно принятых в английском языке – «sreaky», «low», «high» и «checked» соответственно; в русском языке устоявшиеся названия для них отсутствуют), однако к ним могут применяться и другие названия [Green 2002, р. 3]. Оставляя в стороне весьма сложный и не разрешенный до конца вопрос об истинной фонологической сущности бирманских тонов, мы будем применять к ним в данной работе традиционно принятые бирманцами числовые обозначения: скрипучий тон будет обозначаться как первый, низкий – как второй, высокий – как третий, замкнутый – как четвертый. Слоги, имеющие четвертый тон, всегда оканчиваются на гортанную смычку $ʔ$, а по интонационному контуру этот тон относительно близок ко второму [Watkins 2000, р. 139]. Слоги, несущие четвертый тон, реализуются как самые краткие, слог первого тона несколько длиннее,

⁵ А.Д. Грин предлагает описывать структуру бирманского слога схемой $C(G)V(V)C$, классифицируя как кластеры гласных последовательности звуков *au, oi, ei* и *ai*, однако сам же перед этим характеризует их как дифтонги. Дабы не создавать противоречий в предлагаемом описании бирманской фонетики, мы будем исходить из того, что данные звукосочетания являются дифтонгами и представляют собой один гласный звук. Однако при изучении метрики возможное отличие дифтонгов от монофтонгов, разумеется, следует учитывать [Green 2002].

третьего – еще длиннее, а второго – самые долгие [Green 2002, p. 9]. Вопрос об истинной природе и числе бирманских тонов находится вне рамок настоящей работы. Тем не менее, изучая метрические законы бирманской поэзии, не следует заведомо отметить гипотезу о том, что второстепенные признаки тонов (в первую очередь длительность) могут иметь метрообразующее значение.

Как и большинство языков Юго-Восточной Азии, бирманский язык является языком изолирующего строя, и в нем практически отсутствует морфология [Artnonla 2003, p. 1]. Стандартным порядком слов в нем является SOV, а прилагательное обычно предшествует существительному, что выделяет бирманский язык среди большинства языков региона [Artnonla 2003, pp. 101–102].

Бирманский язык пользуется своей оригинальной письменностью, которую бирманцы на заре своей цивилизации заимствовали у монов, чей алфавит в свою очередь восходит к южноиндийским слоговым системам. Бирманское письмо является алфавитным, однако в основной строке пишутся только согласные буквы, а гласные располагаются справа, слева, сверху или снизу относительно них. Тоны обозначаются на письме, при этом соответствие между конкретными знаками или их сочетаниями и конкретными тонами, в отличие от тайского письма, однозначно. Хотя бирманская письменность почти не менялась на протяжении почти тысячи лет, в целом разница между написанием и произношением в ней не слишком велика, однако расхождения все же встречаются [Янсон 2011, с. 4].

В настоящее время отдельные слова в бирманском письме разделяются пробелами, а из знаков препинания используются аналог точки «||» и аналог запятой «|». Однако, согласно свидетельству Р.А. Янсона, изначально пробелы между словами не использовались, и их появление связано с европейским влиянием. Поэтические тексты на строки также не разбивались [Янсон 2006, с. 406]. Каким образом в бирманском письме разбиение на строки выражается сейчас, в точности не известно.

4. Предшествующие исследования

Поскольку, как уже отмечалось, метрика бирманской поэзии является почти совершенно неисследованной, ее изучение сопряжено не только с решением задач описания и анализа получаемых данных, но и с рядом методологических проблем.

Нам известно сравнительно небольшое число работ, затрагивающих вопросы метрических закономерностей бирманского

стихосложения. Помимо уже упомянутых русскоязычных работ В.Г. Златоверховой, А.Д. Бурман и Р.А. Янсона, к ним относятся статьи “Burmese poetry (1300–1971)” одного из крупнейших в истории бирмановедов Хла Пе и «Three ‘immortal’ Burmese songs», написанная им же в соавторстве с А.Дж. Аллот и Дж. Океллой. Основная информация, сообщаемая данными работами относительно бирманских поэтических метров, сводится к тому, что до XVIII в. в бирманской поэзии господствовал размер, в котором каждая строка содержала по четыре слога, и что особенно часто он использовался в пьюу [Бурман 1971, с. 141]. При этом данное утверждение, первенство в высказывании которого, очевидно, принадлежит Хла Пе [Hla Pe, Allot, Okell 1963], к сожалению, на данный момент не подкреплено количественными данными. После XVIII в., по имеющимся свидетельствам, четырехсложный размер «стал соблюдаться не так строго» [Бурман 1971, с. 141] и на его место пришли размеры, где число слогов варьировалось от трех до шести [Бурман 1971, с. 141]. Единственным исследователем, попытавшимся дать типологическую классификацию классической бирманской метрике, была В.Г. Златоверхова. Она заявляет, что размер в бирманской поэзии «определяется постоянным количеством слогов» [Златоверхова 1973, с. 157], однако характеризует бирманскую метрику не как силлабическую, а как силлабо-тональную, мотивируя это тем, что в ней «важную роль играют и просодические элементы» [Златоверхова 1973, с. 157]. Тем не менее, хотя это еще не было известно в то время, когда вышла работа Златоверховой, использование особой интонации для оформления и членения стихотворного текста – это особенность стиха во всех проанализированных на настоящий момент системах стихосложения (включая классическую силлабо-тонику, тонику и свободный стих [Златоустова 1975; Skulacheva, Kostyuk 2019; Кривнова, Костюк 2020]) и, таким образом, не является специфичным для какой-то одной системы стихосложения. Поэтому наиболее логично сделать вывод, что бирманский стих является силлабическим.

5. Результаты исследования

Наше исследование проводилось на материале 16 стихотворных текстов, 15 из них были проанализированы полностью и 1 частично. Три из них были тексты, которые Хла Пе, Дж. Аллот и Дж. Окелла приводят в своей работе, а именно «Закон природы» Анандатурии (1173 г.; по другим данным – XIV–XV вв.), «Стихотворение, написанное в изгнании» Мауна Мья Сана, известного

также под псевдонимом Левентоундая (конец XVIII в.) и «Песнь усмирённого» знаменитого поэта и драматурга У Поун Нья (середина XIX в.).

Помимо них, нами использовался сборник бирманских стихов [Lustig], доступный нам в электронном виде. В нем содержатся оригинальные тексты 29 стихотворений различных бирманских поэтов (в том числе и неизвестных авторов) XIV–XIX вв. с английскими переводами. В их число входят и «Закон природы» Анандатурии. Разбиение стихотворений на графические строки здесь также, судя по всему, не соответствует, как минимум, метрике, а возможно, и строфике. При этом расположение строк в «Законе природы» отличается от такого в статье “Three ‘immortal’ Burmese songs”. К сожалению, качество печати или сканирования данного издания оставляет желать лучшего, вследствие чего местами отдельные буквы и символы, а порой и целые строки трудно различимы, что сделало невозможным использование в качестве материала для исследования некоторых стихотворений сборника.

Наконец, нами также был проанализирован отрывок длиной в 860 строк из «Ягана о Раме» поэта У Тоу, жившего в XVIII в., имевшийся у нас в виде фотографий страниц бирманской книги из Национальной библиотеки в Нейпидо, сделанных нами во время поездки в Мьянму.

Общий объем проанализированных текстов составляет 1279 стихотворных строк.

5.1. Анализ метрики стихотворения

«Закон природы»

В ходе подсчета слогов в стихотворении «Закон природы» было установлено, что каждый из 41 отрезка текста, разделенных знаками «|» или «||», содержит ровно четыре слога, как это показано в табл. 2. При этом одна графическая строка может содержать от одного до шести подобных элементов, а в трех случаях одна часть четырехсложного отрезка, обособленного знаками «|» и «||», находится на одной строке, а другая – на следующей (в двух случаях на первой строке располагается один слог, а три – на следующей, в одном случае отрезок разделяется поровну). Четыре слога в каждом отрезке, выделяемом знаками «|» или «||», мы можем насчитать, только если будем рассматривать в качестве слога сочетание звуков структуры C(G)V(C), описанное выше. Слоги, содержащие дифтонги и полугласные, и закрытые слоги (относительно которых, исходя из правил других метрических систем, например, тайской [Hudak 1992], можно было бы предполагать, что они учитывают-

ся как два или полтора слога с простейшей структурой) наравне с монофтонговыми и открытыми слогами должны считаться за один слог, иначе метрическая схема потеряет стройность. Метрика стихотворения проиллюстрирована в примере (1).

(1) Первые две стихотворные строки «Закона природы» Анандатурии⁶

θu² tʰe³ tə jau?   kãu³ bo¹ jau? mu²
 [В то время как] один достигает счастья'

Таблица 2

Распределение числа слогов в стихотворных строках
 в стихотворении Анандатурии «Закон природы»

Число слогов в строке	Количество строк, содержащих данное число слогов
4	41

На основе полученных фактов мы можем сделать три принципиально важных для последующего анализа бирманской метрики выводы.

Во-первых, по-видимому, стихотворные строки в современных изданиях бирманской поэзии обособляются знаками «|» и «||», а деление стихотворного текста на графические строки не обусловлено ни метрикой, ни, скорее всего, строфикой.

Во-вторых, под слогом в бирманской поэзии понимается фонетический слог вне зависимости от его структуры.

В-третьих, стихотворение «Закон природы» действительно написано размером, в котором каждая стихотворная строка содержит ровно четыре слога. При этом следует понимать, что распространять первые два утверждения на всю бирманскую поэзию было бы преждевременным, а размер, используемый в «Законе природы», может, помимо количества слогов в стихотворной строке, определяться и иными факторами, например, чередованием тонов.

Таким образом, все эти результаты должны быть проверены в ходе дальнейших исследований.

⁶ Поскольку, как отмечалось выше, мы хотели бы оставить вопрос о фонетической сущности бирманских тонов за рамками настоящей работы, мы будем обозначать их в наших транскрипциях не диакритическими знаками, а номерами, согласно описанному выше принципу. При этом четвертый тон не нумеруется, так как в качестве его маркера выступает ?, что соответствует бирмановедческой традиции.

5.2. Анализ метрики стихотворения «Песнь усмирленного»

Хла Пе, не затрагивая вопроса о правилах, регулирующих размер стихотворения «Песнь усмирленного», традиционно приписываемого У Поун Нья, характеризует его как написанное не классическим четырехсложным размером, а более свободным и близким к разговорному стилем [Hla Pe, Allot, Okell 1963, p. 597]. В свою очередь А.Д. Бурман, ссылаясь на Хла Пе, утверждает, что с конца XVIII в. «классический четырехсложный размер стал соблюдаться не так строго. Число слогов стало варьироваться (от трех до пяти-шести)» [Бурман 1971, с. 191], однако ничего более подробного об этом «варьировании» она не сообщает. Таким образом, предшествующие работы свидетельствуют в пользу того, что в данном случае мы имеем дело с размером, не имеющим очевидной структуры.

Результат подсчета слогов в стихотворении «Песнь усмирленного», состоящего из 16 стихотворных строк, представлен в табл. 3 (учитывалось число слогов в фонетическом понимании этого термина в стихотворных строках). Как видим, число слогов в стихотворной строке здесь не фиксировано и колеблется от трех до девяти (разброс в длине строк в данном стихотворении проиллюстрирован в примере [2]). Частоты, с которыми то или иное число слогов встречается в стихотворной строке, представлены в табл. 4.

Таблица 3

Количество слогов в стихотворных строках
в стихотворении У Поун Нья «Песнь усмирленного»

№ строки	Число слогов	№ строки	Число слогов
1	3	9	8
2	6	10	8
3	6	11	6
4	5	12	5
5	8	13	3
6	7	14	6
7	8	15	9
8	4	16	4

(2) Разброс в длинах строк в стихотворении У Поун Нья «Песнь усмирленного» на примере его первых двух стихотворных строк

hou?   pəle²
 ŋouʔtə^he¹   ha¹ja¹ma¹phjɿ³
 pu²be¹sa¹   tɛ^hɿ³ji³le²

‘Поистине! Если уж мне приходится открыть уста, то [я должен сказать, что] все [то, что со мной случилось] – последствия прошлого [прошлых жизней]’

Таблица 4

Распределение числа слогов в поэтических строках
в стихотворении У Поун Нья «Песнь усмирленного»

Число слогов в строке	Количество строк, содержащих данное число слогов	Процент строк, содержащих данное число слогов
3	2	11,8%
4	2	11,8%
5	2	11,8%
6	4	23,5%
7	2	11,8%
8	3	17,7%
9	2	11,8%

Самое частотное количество слогов в стихотворной строке здесь – шесть. Однако оно встречается лишь в четырех из шестнадцати строк, то есть только в четверти случаев. При этом разброс возможного числа слогов в стихотворных строках очень велик. Полученные результаты дают основание предположить, что размер стихотворения от количества слогов в стихотворной строке не зависит вообще и регулируется какими-либо иными параметрами. Однако, прежде чем делать подобные выводы, целесообразно сопоставить эти данные с данными, полученными при анализе других текстов.

5.3. Анализ метрики в отрывке из поэмы «Яган о Раме»

В ходе анализа отрывка из «Ягана о Раме» У Тоу общей длиной в 879 строк нами были получены результаты, которые представлены в табл. 5.

Нетрудно заметить, что в данном поэтическом тексте прослеживается явная закономерность в количестве слогов в строке: больше половины из них содержат по 4 слога, количество строк, состоящих из 4, 5 или 6 слогов, суммарно превосходит 90%. Это говорит о том, что в данном случае перед нами типичный пример нестрогой силлабики, которая, очевидно, возникла в результате постепенного

Таблица 5

Распределение числа слогов в стихотворных строках
в отрывке из поэмы У Тоу «Яган Рама»

Число слогов в строке	Количество строк, содержащих данное число слогов	Процент строк, содержащих данное число слогов
2	3	0,3%
3	37	4,2%
4	561	63,8%
5	100	11,3%
6	138	15,7%
7	28	3,2%
8	3	0,3%
9	6	0,7%
10	1	0,1%
11	1	0,1%
12	1	0,1%

отхода от классического четырехсложного размера, которым написан «Закон природы». Этот вывод должен стать ключом к осмыслению данных, полученных при анализе «Песни усмирленного» У Поун Нья и коротких стихотворений из сборника [Lustig].

5.4. Анализ метрики стихотворений из сборника “*Burmese classical poems*”

В ходе исследования нами было подсчитано число слогов для двенадцати из двадцати девяти стихотворных текстов, содержащихся в сборнике [Lustig] (не считая уже исследованного стихотворения «Закон природы»). Результаты оказались следующими.

В одном из них – стихотворении «Восприми сердцем. Наставления отца сыну» поэта Сатона Саяадау, жившего предположительно в XVIII в., каждая из 101 стихотворной строки содержит ровно по четыре слога. На основе этого мы можем сделать вывод, что данное произведение написано тем же самым, классическим четырехсложным, по выражению Хла Пе, размером, что и «Закон природы» Анандатурии. Любопытен также тот факт, что в данном издании все графические строки, кроме последней, содержат по две стихотворные строки. Это является исключением для сборника, где соответствие стихотворных и графических строк обычно выглядит произвольным.

В стихотворении «Спасение не может быть далеко» поэта XVI в. Шин Махараттатхары из 95 стихотворных строк 81 содержит по четыре слога, 9 – по пять, 6 – по три и 7 – по два. На основе этого можно предположить, что и данное стихотворение также написано тем самым четырехсложным размером, но либо с вкраплениями других, еще неизвестных нам размеров, либо же местами метрика стихотворения выдержана неточно.

Совсем по-другому выглядит метрическая организация во всех остальных исследованных нами стихотворениях сборника. Среди них, даже среди самых коротких, состоящих из четырех стихотворных строк, нет ни одного, где бы каждая стихотворная строка содержала одно и то же число слогов. В некоторых из них можно заметить определенные тенденции. Так, например, в стихотворении «Гужевая повозка» поэта XIX в. У Я Кьяу (распределение длин стихотворных строк в котором представлено в табл. 6) 78% стихотворных строк содержат 8 или 9 слогов. Следовательно, можно предположить, что оно написано либо нестрогим размером, в котором каждая стихотворная строка должна состоять примерно из восьми слогов с возможными вариациями, либо это восьмисложный размер, но неточно выдержанный.

Таблица 6

Распределение числа слогов в стихотворных строках
в стихотворении У Я Кьяу «Гужевая повозка»

Число слогов в строке	Количество строк, содержащих данное число слогов	Процент строк, содержащих данное число слогов
4	1	7%
6	1	7%
8	8	57%
9	3	21%
10	1	7%

Менее четкую картину мы видим в небольшом стихотворении неизвестного автора, состоящем всего из восьми строк. Здесь 2 стихотворные строки содержат по 8 слогов, 2 по 7, 2 по шесть и 2 по четыре. Еще менее жесткая структура наблюдается в таких стихотворениях, как, например, «Желто-зеленый цветок падаук» У Кьяу (не следует путать с У Я Кьяу) и «Лесная песнь» принцессы Хланг Тей Кхаунг Тин, живших в XIX в., распределение длин стихотворных строк в которых представлено соответственно в табл. 7 и 8.

Каждое из значений, которое может принимать количество слогов в стихотворных строках в этих текстах, встречается менее чем в половине случаев. Разброс этих значений весьма велик – в первом стихотворении от трех до девяти, то есть максимальное и минимальное значения различаются в три раза.

Таблица 7

Распределение числа слогов в стихотворных строках
в стихотворении У Кьяу «Желто-зеленый цветок падаук»

Число слогов в строке	Количество строк, содержащих данное число слогов	Процент строк, содержащих данное число слогов
3	5	25%
4	2	10%
5	7	35%
6	3	15%
7	2	10%
9	1	5%

Таблица 8

Распределение числа слогов в стихотворных строках
в стихотворении принцессы Хлаинг Тей Кхаунг Тин «Лесная песня»

Число слогов в строке	Количество строк, содержащих данное число слогов	Процент строк, содержащих данное число слогов
4	5	31%
3	4	25%
5	5	31%
6	1	6%
8	1	6%

На первый взгляд, такой сильный разброс в длинах строк совершенно не похож на силлабику, даже на нестрогую. Действительно, для сравнения: в нестрогой силлабической поэзии на африканском языке фула максимальное и минимальное количество слогов в строке различаются примерно в 0,5–0,7 раз, и наиболее частотное количество слогов встречается не менее чем в 70% случаев [Саркисов 2016, с. 256]. Тем не менее, несмотря на такой сильный

разброс значений в рассмотренных поэтических текстах, у длины стихотворных строк в них есть наиболее частотные значения – 4 и 5, что гораздо более свойственно расшатанной силлабике, нежели верлибру. В соответствии с этим наиболее логичным представляется интерпретировать подобную структуру как очень нестрогую, но все же основанную на количестве слогов в стихотворной строке, то есть сильно расшатанную силлабику (вероятно, последний этап ее расшатывания перед возникновением верлибра). Очень важным аргументом в пользу такого вывода является тот факт, что нестрогая, но хорошо урегулированная силлабика, которую рассматривать как верлибр совершенно недопустимо, была выявлена нами в отрывке из ягана У Тоу о Раме. Благодаря нему мы можем выстроить довольно логичную и стройную картину постепенного расшатывания бирманской силлабической метрики от безупречно строгого четырехсложника (как, например, в «Законе природы») через нестрогий четырехсложник с заметными нарушениями (как в «Ягане о Раме») до сильно расшатанной силлабики на грани верлибра, но все же не переходящей в него.

Разумеется, мы не можем полностью исключать и иной характер метрики в поэтических текстах без четкой структуры и допустить, что учет слогов в подобных образцах бирманской поэзии ведется иным образом, нежели в стихах, написанных «классическим четырехсложным размером» (например, по-другому учитываются слоги с дифтонгами, по-разному считаются открытые и закрытые слоги и т. п.), или же размер в них основан не на количестве слогов в стихотворной строке, а на каких-либо иных закономерностях, например, на чередовании тонов. Для получения окончательного результата оба предположения необходимо проверить путем статистических подсчетов. Однако невероятно большой объем работы, необходимый для этого (например, для прояснения вопроса о влиянии тонов на размер необходимо будет не только провести разметку тонов для всех слогов в каждом из анализируемых поэтических текстов, но и посчитать процент использования каждого из тонов на каждой из возможных позиций в строке), не позволяет выполнить подобную задачу в ближайшем будущем. Но тот факт, что мы можем наблюдать описанный выше постепенный переход от строгой силлабики к расшатанной, а также полное отсутствие надежных свидетельств о существовании в бирманской поэзии размеров, основанных не на количестве слогов в строках (классификация В.Г. Златоверховой бирманской метрики как силлабо-тональной по описанным выше причинам не внушает доверия), являются важными аргументами в пользу правильности нашей первой гипотезы.

5.4. Анализ чередования тонов в стихотворении «Закон природы»

После того, как нам удалось выявить, что в классической бирманской поэзии существует размер, где каждая стихотворная строка должна содержать ровно четыре слога, стало необходимым разрешить следующий вопрос: основан ли этот размер только на количестве слогов в стихотворной строке или же и на каких-либо иных закономерностях? Наиболее логичным было бы допустить, что метрообразующую роль здесь также может играть чередование тонов. С целью проверки этой гипотезы нами были размечены тоны для каждого из слогов в стихотворении Анандатурии «Закон природы», а затем было подсчитано, в каком количестве поэтических строк (всего их в стихотворении 41) каждый из четырех тонов занимает каждую из четырех возможных позиций. Результаты подсчетов представлены в табл. 9. Помимо этого, поскольку можно допустить, что четвертый и второй тоны могут восприниматься как один, мы провели аналогичный подсчет этих двух тонов как одинаковых. Результаты представлены в табл. 10.

Таблица 9

Распределение тонов в стихотворении Анандатурии
«Закон природы» при учете 4 тонов

Тон	Позиция в стихотворной строке			
	1	2	3	4
1	24 (58,5%)	26 (63,2%)	20 (48,8%)	14 (34,1%)
2	9 (21,9%)	5 (12,2%)	13 (31,7%)	16 (39%)
3	4 (9,8%)	6 (14,6%)	4 (9,8%)	7 (17,1%)
4	2 (4,9%)	6 (14,6%)	4 (9,8%)	4 (9,8%)

Таблица 10

Распределение тонов в стихотворении Анандатурии
«Закон природы» при учете 3 тонов

Тон	Позиция в стихотворной строке			
	1	2	3	4
1	24 (58,5%)	26 (63,4%)	20 (48,8%)	14 (34,2%)
2+4	11 (31,7%)	11 (26,8%)	17 (41,5%)	20 (48,8%)
3	4 (9,8%)	6 (14,6%)	4 (9,8%)	7 (17,1%)

Как можно увидеть из таблиц, ни один из тонов не занимает какой-либо определенной позиции во всех стихотворных строках, а самая высокая частота, с которой конкретный тон занимает конкретную позицию, равна 63%. Таким образом, четкая закономерность в чередовании тонов отсутствует (попытки обнаружить какие-либо последовательности в появлении тонов в определенной позиции также не дают результатов). Это сильно контрастирует с безукоризненной строгостью, с которой соблюдается правило относительно количества слогов в стихотворной строке, исключений из которого в данном стихотворении не встречается. Обращает на себя внимание и то, что все четыре возможные позиции чаще всего занимает первый тон, реже – второй, а совсем редко – третий. Объяснением подобного распределения тонов может быть частота их употребления в бирманском языке.

На основе этих данных можно сделать вывод, что чередование тонов в исследуемом размере не играет метрообразующей роли и что размер базируется лишь на количестве слогов в стихотворной строке. Следовательно, мы можем классифицировать его как силлабический.

5.5. Некоторые замечания относительно рифмы

Изучение бирманской рифмы не входило в задачи настоящего исследования. Однако мы все же считаем необходимым привести здесь имеющиеся у нас сведения по этому вопросу.

Под рифмой в бирманской поэтике понимается совпадение гласных и конечных согласных (при их наличии) в рифмующихся слогах, а также совпадение их тонов, являющееся необходимым условием [Бурман 1971, с. 141]. При этом графическое совпадение превалирует над фонетическим: ряд слогов бирманского языка, имеющих совершенно одинаковое произношение, но обусловленное традицией различное написание [Yanson 2017, pp. 12–13], по наблюдениям Р.А. Янсона, не могут рифмоваться между собой [Янсон 2006, с. 407–408]. По свидетельствам Хла Пе [Hla Pe 1971, p. 559] и Бурман [Бурман 1971, с. 140], изначально в исследованном нами четырехсложном размере использовалась так называемая ступенчатая рифма, при которой либо последний (четвертый) слог первой стихотворной строки рифмуется с третьим слогом второй и вторым – третьей [Hla Pe 1971, p. 559], как это показано на схеме 1 (тройная рифма), либо последний слог первой стихотворной строки рифмуется только с третьим или вторым слогом последующей (двойная рифма; соответственно схемы 2 и 3) [Златоверхова 1973, с. 144].

--- А
 -- А -
 - А - Б
 -- Б -

Схема 1. Тройная рифма в четырехсложном размере
 (согласно [Бурман 1971, с. 140])

--- А
 -- А -

Схема 2. Двойная рифма в четырехсложном размере
 (согласно [Златоверхова 1973, с. 144])

--- А
 - А --

Схема 3. Двойная рифма в четырехсложном размере
 (второй вариант) (согласно [Златоверхова 1973, с. 144])

(3) Ступенчатая рифма в строках из драмы У Поун Нья «Водонос» (по [Бурман 1971, с. 140])⁷ (рифмующиеся слоги выделены курсивом).

Лу ¹ поун ² кхан ³ ва ²	‘В людских поселениях
Лу ¹ пий ² йва ² хма ¹	среди мира людей
Вун ³ са ² кхэ ³ кхэ’	трудно добыть себе пищу’.

Позднее (уже после появления новых метров, понять природу метрики которых нам пока не удалось) чаще рифмой стали соединяться попарно последние два, а иногда и три слога соседних стихотворных строк. Считается, что изобретателем такой рифмы был У Поун Нья [Нла Ре 1971, р. 569]. Однако ступенчатая рифма также продолжала использоваться [Бурман 1971, с. 141]. При этом варианты ее стали гораздо разнообразнее и помимо рифмовки четвертого, третьего и второго слогов следующих друг за другом строк ста-

⁷ Поскольку А.Д. Бурман приводит данную цитату лишь в кириллической транскрипции, без бирманского оригинала, мы считаем правильным цитировать ее здесь в таком же виде, не пытаясь восстановить оригинал или латинскую транскрипцию во избежание возможных неточностей.

ли активно использоваться и иные схемы, например, рифма только между четвертым слогом одной строки и вторым или первым слогом последующей [Hla Pe 1971, pp. 80–81].

И Хла Пе [Hla Pe 1971, p. 563], и А.Д. Бурман [Бурман 1971, с. 143] отмечают, что структура рифм в одном произведении далеко не всегда следует четким правилам. Например, Хла Пе сообщает, что в стихотворении Мауна Мья Сана «Песнь, написанная в изгнании» иногда вместо рифмы между четвертым, третьим и вторым слогами идущих друг за другом стихотворных строк используются рифмы только между четвертым слогом одной стихотворной строки и первым слогом последующей [Hla Pe 1971, p. 563]. В пьесе же У Поун Нья «Водонос», согласно исследованию А.Д. Бурман, совершенно произвольным образом чередуются между собой самые разнообразные структуры рифм [Бурман 1971, с. 143].

Даже при неглубоком анализе рифмы исследуемых текстов заметно, что стандартные схемы соблюдаются в них не совсем четко (что вполне согласуется с замечанием Хла Пе о возможности применения разнообразных схем рифмовки в одном стихотворении [Hla Pe 1971, pp. 180–181]). Например, структура рифм стихотворения «Закон природы» (которое Хла Пе характеризует как безупречное с точки зрения рифмы [Hla Pe 1971, p. 561]), представленная на схеме 2 и иллюстрируемая в примере (4), свидетельствует, что в нем допускаются отступления от классической структуры, приведенной в схеме 1 (например, там, где следовало бы ожидать, что рифма будет распространяться на второй слог стихотворной строки, она распространяется на третий, а некоторые слоги, которые должны были бы участвовать в рифме, в ней не участвуют), тройная рифма встречается в нем лишь в 4 случаях, а в 3 строках рифма отсутствует полностью.

(4) Рифмы в первых 4 поэтических строках стихотворения Анандатурии «Закон природы»

$\theta u^2 \text{ } \text{t}^h \text{e}^3 \text{ } t\alpha \text{ } \text{jau}^2$	‘[В то время как] один
$k\ddot{a}u^3 \text{ } bo^1 \text{ } \text{jau}^2 \text{ } mu^2$	Достигает счастья,
$\theta u^2 \text{ } t\alpha \text{ } \text{jau}^2 \text{ } \text{m}^a^2$	Другой
$pj\epsilon^?li^1 \text{ } k\alpha^2 \theta a^2$	Низвергается и погибает.
$d^h\text{amma}^1 \text{ } ta \text{ } \text{t}^h \text{e}^3$	Это естественный закон природы’.

1 - - - СЛОГ1 ⁸	25 - - - М
2 - - СЛОГ1 А	26 - - М -
3 А - СЛОГ Б	
4 - - Б Б	27 - - Н Н
5 - - - СЛОГ2	28 - Н - Б
	29 - - - СЛОГ2
6 - - В -	
7 - В - Г	30 - - - -
8 - - Г -	31 - - - -
9 - Г - Д	
10 - Д - Е	32 - - - О
11 - - Е -	33 - - О П
12 - - - Е	34 - - П -
13 - - Е Б	35 - П - -
14 - - - СЛОГ2	36 - Р - С
	37 - - Р -
15 - - - Е	38 - - - С
16 - - Е -	40 - - С -
17 - - - Ж	
18 Ж Ж - З	41 - - - Б -
19 - - З -	42 - Б СЛОГ2
20 - З - И	
21 - - И -	
22 - И - К	
23 - К - Л	
24 - Л - -	

*Схема 4. Структура рифм
в стихотворения Анандатурии «Закон природы»*

В текстах из сборника «Burmese classical poems» очевидных и регулярно повторяющихся схем рифмовок ни в одном из стихотворений нами замечено не было, а специального их исследования не проводилось, поэтому судить о них мы не можем.

Обобщая изложенные сведения (как почерпнутые из источников, так и полученные в ходе нашего исследования), можно сделать вывод, что рифма в бирманской поэзии бесспорно существует, но, скорее всего, ее структура никогда не являлась жесткой и не знающей исключений или же, по крайней мере, отступления от нее всегда были весьма распространены. В пользу этого свидетельствует тот факт, что даже в одном из самых древних и полностью безупречных с точки зрения выдержанности размера образцов бирманской поэзии – «Законе природы» Анандатурии – структура

рифмы не является строгой. Это дополнительно подкрепляет нашу гипотезу о том, что образцы бирманской поэзии, в которых не были выявлены четкие закономерности, следует классифицировать как сильно расшатанную силлабику, поскольку мы видим, что опыт использования нестрогих структур был свойственен бирманской поэзии практически с момента ее возникновения.

Также наше исследование показало, что в бирманской поэзии достаточно часто встречается рифма, соединяющая последний слог одной стихотворной строки со слогом, находящимся внутри другой, что весьма нетипично для европейской поэзии. Остальные вопросы о бирманской рифме должны стать предметом тщательного дальнейшего изучения.

5.6. Краткое сопоставление бирманской метрики с тайской

Занимаясь изучением малоисследованной метрики бирманской поэзии, весьма целесообразно сопоставлять получаемые данные со сведениями о метрических системах других литературных традиций Индокитая, активно взаимодействовавших с бирманской. Единственной относительно изученной из подобных метрических систем является тайская⁹. Здесь необходимо отметить, что в вопросах, связанных с поэтической метрикой, тайский язык существенно отличается от бирманского. Помимо наличия пяти тонов, в нем также существует смысловозначительное противопоставление долгих и кратких гласных [Smyth 2002, pp. 8–9], отсутствующее в бирманском языке. Также в тайской письменности имеются немалые различия между написанием и произношением, в результате чего одни и те же тоны могут маркироваться несколькими различными способами, а некоторые диакритические знаки, используемые для обозначения тонов, имеют различное прочтение в зависимости от контекста [Smyth 2002, p. 16].

Сопоставление имеющихся сведений о бирманской метрике с тайской показывает, что между ними гораздо больше различий, чем сходства, причем различия эти обусловлены далеко не только особенностями грамматики или письменности. В тайской поэзии

---

⁹ Хотя среди всех древних культур Индокитая бирманцы теснее всего взаимодействовали с монской, от которой они заимствовали в том числе и письменность, мы не располагаем не только никакими исследованиями, посвященными монской поэзии, но и свидетельствами о том, что у монов была развита поэтическая традиция. Поэтому, к сожалению, возможность исследовать вопрос о монском влиянии в бирманской поэзии на данный момент совершенно отсутствует.

существуют как несколько силлабических, так и силлабо-метрический метры [Саркисов 2020, с. 44–45] (подробнее см. [Hudak 1992] и [Hudak 2001]), а также один метр с не вполне ясной природой, основанный одновременно на количестве слогов в строке и также либо на чередовании тонов, либо на чередовании графических символов, не обусловленным фонетическими чередованиями [Sarkisov 2020, pp. 138–140]. Два последних размера, по имеющимся у нас на текущий момент сведениям, не находят аналогов в бирманской поэзии. Тайская силлабика также сильно отличается от бирманской, поскольку в тайских силлабических размерах число слогов в строке обычно не меньше семи [Саркисов 2020], а часто больше, в то время как в единственном известном нам на настоящий момент бирманском силлабическом метре оно равняется четырем. Метрическая структура стиха в тайской поэзии, в отличие от бирманской, является очень жесткой и практически не допускает отступлений от заданных схем, в то время как в бирманской поэзии такие отступления (как в области рифмы, так и в области метра), как мы видели, встречаются достаточно часто.

Однако у тайской и бирманской поэзии есть одно важное сходство. В тайской поэзии, как и в бирманской, рифма в большинстве случаев также связывает последний слог одной строки с каким-либо из слогов внутри другой [Саркисов 2020; Sarkisov 2020]. Также есть основания полагать, что в тайской поэзии (по крайней мере, в некоторых из ее метров) графические совпадения и чередования превалируют над фонетическими, что наблюдается и в бирманской поэзии применительно к правилам рифмы [Янсон 2006, с. 407–408]. На основе этого мы можем предположить, что внутренняя рифма и первенство графики над фонетикой являются ареальной особенностью литературных традиций Индокитая и их распространение, вероятно, обусловлено взаимовлиянием. Однако имеющиеся данные свидетельствуют в пользу того, что в остальных аспектах развитие тайской и бирманской систем стихосложения происходило независимо.

6. Выводы

Наиболее важные выводы, которые можно сделать, кратко обобщая результаты исследования, состоят в следующем.

В классической бирманской поэзии существует чисто силлабический размер, при котором каждая стихотворная строка содержит четыре слога. В данном размере за один слог считается слог в фонетическом понимании этого термина, что дает основания в первую

очередь рассматривать гипотезу об аналогичных правилах подсчета слогов при изучении других стихотворных метров.

В стихотворных текстах, не использующих упомянутый силлабический размер, количество слогов в строках варьируется достаточно сильно, и наиболее вероятной представляется гипотеза о том, что в них используется расшатанная силлабика.

Рифма в бирманской поэзии существует, однако правила ее использования не до конца изучены. Чаще всего она связывает последний слог одной стихотворной строки со слогом внутри другой и, вероятнее всего, всегда имеет достаточно свободную структуру.

Метрика бирманской поэзии обнаруживает существенные отличия от тайской практически во всех аспектах, поскольку в тайской поэзии используются силлабические (но не похожие на бирманские) и силлабо-метрический метры, а также метр не вполне ясной – тонально-силлабической или силлабо-графической – природы. Однако для обеих систем стихосложения характерна рифма, связывающая последние слоги одних строк со слогами внутри других.

Благодарности

Автор выражает признательность и благодарность доктору филологических наук, профессору Р.А. Янсону и кандидату исторических наук А.Е. Кириченко за помощь в проведении исследования и работе над статьей.

Acknowledgements

The author expresses his gratitude to Dr. of Sc. Professor R. A. Janson and Cand. of Sc. A. E. Kirichenko for help with the research and work on the article.

Источники

Lustig – Burmese classical poems / Selected and translated by F.V. Lustig. Buddhist archbishop of Latvia; University of Toronto Library, 1900.

Литература

Бурман 1971 – Бурман А.Д. Некоторые особенности бирманской рифмы // Страны и народы Востока. Вып. 11. М., 1971. С. 140–145.

Кривнова, Костюк 2020 – Кривнова О.Ф., Костюк А.Э. Рамочная тональная конструкция в фонетической структуре стиха и прозы // ВАПросы языкознания: Мегасборник наностатей: Сб. статей к юбилею В.А. Плунгяна / Ред. А.А. Ки-

- брик, Кс.П. Семенова, Д.В. Сичинава, С.Г. Татевосов, А.Ю. Урманчиева. М.: Буки Веди, 2020. С. 86–99.
- Златоверхова 1973 – *Златоверхова В.Г.* Метрическая система бирманской классической поэзии // Проблемы восточного стихосложения. М., 1973. С. 142–160.
- Златоустова 1981 – *Златоустова Л.В.* Фонетические единицы русской речи. М.: МГУ, 1981. 105 с.
- Осипов 1980 – *Осипов Ю.М.* Литературы Индокитая: Жанры, сюжеты, памятники. Л.: ЛГУ, 1980. 280 с.
- Саркисов 2016 – *Саркисов И.В.* Принципы метрической организации в поэзии фульбе // Проблемы языка: Сборник научных статей по материалам Четвертой конференции-школы «Проблемы языка: взгляд молодых ученых» (24–26 сентября 2015 г.). М., 2016. С. 253–263.
- Саркисов 2020 – *Саркисов И.В.* К вопросу о метрической классификации размеров тайской поэзии // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2020. Т. 79. № 2. С. 39–49.
- Янсон 2006 – *Янсон Р.А.* О форме бытования бирманских стихов // Проблемы литератур Дальнего Востока. СПб., 2006. С. 405–410.
- Янсон 2011 – *Янсон Р.А.* Периодизация бирманской фонологической системы. Ч. 1: Инициали // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 13. Вып. 4. 2011. С. 3–12.
- Artnonla 2003 – *Artnonla S.* A syntactic study of clauses in spoken Rangoon Burmese. Bangkok: Mahidol university, 2003. 210 p.
- Bradley 1997 – *Bradley D.* Tibeto-Burman languages and classification // Papers in Southeast Asian linguistics. Canberra: Pacific Linguistics, 1997. No. 14. P. 1–72.
- Cooke, 1980 – *Cooke J.R.* The Thai Khlong poem. Description and example // Journal of the American Oriental Society. 1980. Vol. 100. No. 4 (Oct.–Dec.). P. 421–437.
- Hudak 1992 – *Hudak T.J.* Further observations on the Thai chan poetic conventions // Papers on Tai languages, linguistics, and literatures. In honor of William J. Gedney on His 77th Birthday. Northern Illinois Univ.: Center for Southeast Asian Studies, 1992. P. 278–285.
- Hudak 2001 – *Hudak T.J.* Limericks and rhyme in Thai. Tempe: Arizona State University, 2001. 49 p.
- Hla Pe, Allot, Okell 1963 – *Hla Pe, Allot A.J., Okell J.* Three 'immortal' Burmese songs // Bulletin of the School of Oriental and African studies, University of London. 1963. Vol. 26, no. 3. P. 559–571.
- Hla Pe 1971 – *Hla Pe.* Burmese poetry (1300–1971) // Journal of the Burma Research Society. 1971. Vol. 54. P. 61–114.
- Green 2002 – *Green A.D.* Word, foot, and syllable structure in Burmese. 2002 [Электронный ресурс]. URL: <http://roa.rutgers.edu/files/551-1002/551-1002-GREEN-0-1.PDF> (дата обращения 01.12.2021).
- Sarkisov 2020 – *Sarkisov I.V.* Pri la klasifikado de la taja poetika metro khlong // ВАПросы языкознания: Мегасборник наностатей: Сб. статей к юбилею В.А. Плуныгина / Ред. А.А. Кибрик, Кс.П. Семенова, Д.В. Сичинава, С.Г. Татевосов, А.Ю. Урманчиева. М.: Буки Веди, 2020. С. 136–140.
- Skulacheva, Kostyuk 2019 – *Skulacheva T.V., Kostyuk A.E.* Verse and Prose. Linguistics and statistics // Quantitative Approaches to Versification. Prague: Institute of Czech Literature of the Czech Academy of Sciences, 2019. P. 245–254.

- Smyth 2002 – *Smyth D.* Thai. An essential grammar. London; New York, 2002. 234 p.
- Watkins 2000 – *Watkins J.* Notes on creaky and killed tone in Burmese // SOAS Working papers in Linguistics and Phonetics. 2000. Vol. 10. P. 139–149.
- Yanson 2017 – *Yanson R.* Sources of written Burmese -ac and related questions in Burmese historical phonology // Journal of Southeast Asian Linguistics Society. 2017. Vol. 201. No. 2. P. 11–18.

References

- Artnonla, S., (2003), *A syntactic study of clauses in spoken Rangoon Burmese*, Mahidol university, Bangkok, Thailand
- Burman, A.D., (1971), “Some specifics of the Burmese rhyme”, in *Strany i narody Vostoka* [Countries and languages of the Orient], Moscow, Russia, pp. 140–145.
- Bradley, D. (1997), Tibeto-Burman languages and classification, in *Papers in Southeast Asian linguistics*, Pacific Linguistics, Canberra, no. 14, pp. 1–72.
- Hla Pe, Allot, A.J. and Okell, J. (1963), “Three ‘immortal’ Burmese songs”, in *Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London*, vol. 26, no. 3, pp. 559–571.
- Hla Pe (1971), “Burmese poetry (1300–1971)”, *Journal of the Burma Research Society*, vol. 54, pp. 61–114.
- Krivnova, O.F. and Kostyuk, A.E., (2020), “Framework tonal construction in the fonetic structure of poetry and prose”, in *VAProsy uazykoznaniya: Megabornik nanostatey*, Moscow, Russia, pp. 86–99.
- Green, A.D. (2002), *Word, foot, and syllable structure in Burmese*, available at: <http://roa.rutgers.edu/files/551-1002/551-1002-GREEN-0-1.PDF> (Accessed 01.12.2021).
- Osipov, Yu.M. (1980) *Literaturny Indokitaya. Zhanry, syuzhety, pamyatniki* [The literatures of Indo-China. Genres, storylines, literary monuments], Leningradskii gosudarstvennyi universitet, Leningrad, Russia.
- Sarkisov, I.V. (2016), “The principles of metric organization in the fulbe poetry”, in *Problemy yazyka* [Problems of language], Moscow, Russia, pp. 253–263.
- Sarkisov, I.V. (2020), “On the question of metric classification of the Thai poetic meters”, in *Izvestiya RAN*, vol. 79, no. 2, pp. 39–49.
- Sarkisov, I.V. (2020), “On the classification of the Thai poetic meter khlong”, in *VAProsy uazykoznaniya: Megabornik nanostatey* [Questions of linguistics. Megacollection of nanoarticles], Moscow, Russia, pp. 136–140.
- Skulacheva, T.V. and Kostyuk, A.E. (2019), “Verse and prose. Linguistics and statistics”, in *Quantitative Approaches to Versification*, Institute of Czech Literature of the Czech Academy of Sciences, Prague, Czech, pp. 245–254.
- Smyth, D., (2002), *Thai. An essential grammar*, London, UK, New York, USA.
- Watkins, J. (2000), “Notes on creaky and killed tone in Burmese”, *SOAS Working papers in Linguistics and Phonetics*, vol. 10, pp. 139–149.
- Yanson, R.A. (2006), “On the form of being of Burmese poems”, in *Problemy literatury Dal'nego Vostoka* [Problems of the literature of the Far East], Saint-Petersburg, Russia, pp. 405–410.
- Yanson, R.A., (2011), “Periodization of the Burmese phonological system. Part 1. Initials”, *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*, issue 4, pp. 3–12.

- Yanson, R., (2017), “Sources of written Burmese -ac and related questions in Burmese historical phonology”, in *Journal of Southeast Asian Linguistics Society*, University of Hawai’I Press, saint Petersburg, Russia, pp. 405–410.
- Zlatoverhova, V.G., (1973), “The metric system of the classic Burmese poetry”, in *Problemy vostochnogo stihoslozheniya* [Problems of Oriental versification], Moscow, Russia, pp. 142–160.
- Zlatoustova, L.V. (1981), *Foneticheskie edinicy russkoy rechi* [Phonetic entities of Russian language], Moscow, Russia.

Информация об авторе

Иван В. Саркисов, аспирант, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия; 101000, Россия, Москва, Мясницкая ул., д. 20; vanya.sarkisov@gmail.com

Information about the author

Ivan V. Sarkisov, postgraduate student, HSE University, Moscow, Russia; bld. 20, Myasnitckaya St., Moscow, Russia, 101000; vanya.sarkisov@gmail.com